

СУБКУЛЬТУРА ВЛАСТИ И СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК В РОССИИ: РЕФОРМАТОРСКИЙ ОПЫТ М.М. СПЕРАНСКОГО

О.А. Жукова

Ключевые слова: метафизика власти, социальный порядок, реформы, государственно-бюрократический традиционализм, охранительство, либерализм, радикализм.

Значимость фигуры М.М.Сперанского в социально-политической истории России подчеркивается продолжающимся противостоянием двух линий развития государства и общества, которые можно охарактеризовать в привычных для политической культурологии терминах “консерватизма” и “либерализма”. В реалиях отечественной истории консерватизм связан с традиционалистским государством, а либерализм — с попыткой построения общества современного типа, устанавливающего демократические процедуры для осуществления властных полномочий. Следует признать, что конструктором новой социальной реальности в XX в. выступили культуры именно современного типа, принадлежащие западноевропейской христианской традиции. Эти “локомотивы современности” на рубеже третьего тысячелетия вошли в стадию постмодерна и включили в свой глобальный проект страны и народы, имеющие другую культурно-цивилизационную основу. Россия, обремененная трагической историей XX столетия, с большими издержками становится участником современного политико-экономического и технологического проекта. Дополнительную трудность для России составляет нерешенный вопрос культурной и политической идентичности, вызванный не только кризисами развития, которые переживает любое общество, но настоящими цивилизационными срывами — дважды потерянной за XX в. страной, дважды разрушенным социальным и культурным укладом на фоне двух мировых войн и большевистского эксперимента с построением тоталитарного государства.

Традиционалистская и прогрессистская версии истории вновь оформляют собой социально-политический дискурс теперь уже постсоветской России. Чем в этой ситуации может быть полезен и поучителен реформаторский опыт Сперанского? Может ли сегодня российское общество, обращаясь к наследию Сперанского, определить необходимый вектор развития — уяснить для себя направление движения в будущее? Есть ли возможность “конвертации” идей Сперанского в социальную и духовно-культурную ткань современной российской нации? Как нам представляется, изучение интеллектуального наследия Сперанского, его политической биографии позволяет актуализировать важные вопросы русской истории. В защиту данного тезиса говорит и тот факт, что историки русской школы оценивали вклад Сперанского очень высоко. Так, ее выдающийся представитель А.А.Корнилов считал:

ЖУКОВА Ольга Анатольевна, доктор философских наук, профессор кафедры культурологии Московского педагогического государственного университета. Для связи с автором: logoscultura@yandex.ru

“Сперанский — быть может, самый замечательный государственный ум во всей новейшей русской истории” [Корнилов 2004: 167]. Новый взгляд на корпус идей и трудов Сперанского поможет выявить не только политические константы отечественной истории, но и значимые духовные архетипы, сформировавшие устойчивые сюжеты российской государственной жизни и в целом русский мир и русскую цивилизацию.

На наш взгляд, опыт Сперанского остро ставит вопрос о возможности либерального пути развития для российского государства и общества. В.О.Ключевский назвал Сперанского “Вольтером в православно-богословской оболочке” [Ключевский 2009: 1121], намеренно подчеркивая, казалось бы, сочетание несочетаемого, двух разных порядков жизни — антиклерикально-либерального и религиозно-благочестивого. Для корифея русской исторической науки, исследователя социально-политической и духовной традиции России, определившегося со своими либеральными взглядами, подобная оценка стала не просто запоминающейся метафорой. Ключевский, тем самым, причислил Сперанского к определенному типу образованных русских людей — к тому редкому классу подлинных интеллектуалов, воспитанных в лоне своей собственной традиции учености — философско-богословской, которые смогли идеи европейского Просвещения преобразовать в задачу разумно-прагматического переустройства основ русской жизни, не отказываясь от культурообразующей православной традиции.

Для Ключевского Сперанский был тем человеком, который практически в одиночку начал колоссальную работу по поиску “средств самоуправления” русского государства и общества *на пути обретения ими правовых устоев*. Но это начинание несло в себе зерно идеальной утопии, поскольку, по Ключевскому, было порождено отвлеченным мышлением. Сперанский как теоретик, идеолог, в терминах историка “воплощенная система”, взглянул “на отечество, как на большую грифельную доску, на которой можно чертить какие угодно математически проверенные государственные построения” [там же]. Поэтому идеи Сперанского не могли быть реализованы в полной мере — они не согласовывались “с наличными политическими средствами” [там же: 1122].

В историософской оценке Ключевского опыт Сперанского выявил главное противоречие российской истории, заключающееся в расхождении русского ума с русской жизнью. Как отмечает историк, ум образованного русского человека, напитавшись “значительным запасом политических и нравственных идей”, идеи эти не выработал, а заимствовал со стороны [там же: 1178]. “Идеи политические и нравственные составляли один порядок; жизнь, отношения, которые установились в русском обществе, составляли другой порядок, и не было никакой связи между тем и другим” [там же]. В попытке “примирить свободу и рабство” начался “двойной процесс в русском уме” [там же: 1179]. Добавим, что Сперанского, как и самого себя, Ключевский считал участником этого трудного процесса — необходимым звеном в разрешении исторически сложившегося противоречия.

В чем же можно видеть это противоречие, определяющее, по мнению выдающегося ученого, культурную специфику российской истории, ее социальный порядок? Причина кроется *в особой субкультуре власти и ее метафизическом*

способе политической легитимации. Внимательно читая Ключевского, можно сделать вывод, что в России механизм исторического переосмысления культурно-политической традиции замещен или радикальным разрывом с ней в целях скорейшего достижения нового, или, напротив, консервацией старого порядка, и, как следствие, его архаизацией. Результатом данной линии развития в отечественной истории можно считать *подмену культуuroобразующей православной традиции государственно-бюрократическим традиционализмом.* Он дает именно ту версию российского консерватизма, которая не застрахована ни от мистической экзальтации, ни от мифологических соблазнов в осуществлении национально-государственной идеи. Очевидно, что Сперанский своим опытом законотворческой деятельности и государственного реформирования в духе просветительского европейского проекта хотел изменить эволюционным путем традиционалистскую самоизоляцию русской власти от общества и закрепить на политическом и ментальном уровне общественного бытия ценности европейского модерна. Демонстрируя высочайший образец этики служения, столь востребованный русской державной властью, обладая исключительными знаниями и трудоспособностью, так необходимыми для карьеры чиновника, он воплотил собой новый для России *тип рационального бюрократа, мотивированного этикой общественного блага.*

Сперанский, подобно просветителям-энциклопедистам, взявшимся за задачу “переформулирования” основ европейской цивилизации, в буквальном смысле пересоздает социальный порядок Российской империи. Замысел Сперанского исходил из признания изменившегося общественного устроения. К 1808 г. это внутреннее самоощущение упрочилось. “Важнее признание Сперанским значения общественного настроения. Симптомами того, что момент для реформы созрел, он признает падение в обществе уважения к чинам, орденам и вообще ко внешним признакам власти, упадок нравственного престижа власти, рост духа критики действия правительства. Он указывает на невозможность при таких условиях частных исправлений существующей системы, в особенности в области финансового управления, и приходит к выводу, что наступило время переменить старый порядок вещей”, — отмечает в связи с этим Корнилов [Корнилов 2004: 170].

Уже в *Записке об устройстве судебных и правительственных учреждений в России* [Сперанский 1905], подготовленной Сперанским по поручению Александра I, данного ему через Кочубея, отчетливо прослеживается не только запрос на построение основ конституционного порядка, но, что на наш взгляд более важно, дается социальный анализ причин таковой необходимости. Корнилов, прокомментировавший данный документ, подчеркивает, что “под монархическим Сперанский разумел конституционное” [там же: 147].

В Записке 1803 г. Сперанский пишет: “В настоящем порядке вещей мы не находим самых первых элементов, необходимо нужных к составлению монархического управления. В самом деле, каким образом можно основать монархическое (“т.е. конституционное” — О.Ж) управление по образцу, выше нами изложенному, в стране, где половина населения находится в совершенном рабстве, где сие рабство связано со всеми почти частями политического устройства и с воинской системой и где сия система необходима по пространству границ и политическому положению? Каким образом можно

основать монархическое управление без государственного закона и уложения? Каким образом можно постановить государственный закон и уложение без отделения власти законодательной от власти исполнительной? Каким образом отделить власть законодательную без сословия (“т.е. учреждения” — *О.Ж*) независимого, ее составляющего, и без общего мнения, ее поддерживающего? Каким образом составить сословие независимое без великого и, может быть, опасного превращения (“т.е. переворота” — *О.Ж*) всего существующего порядка — с рабством и без просвещения? Каким образом установить общее мнение, сотворить дух народный без свободы тиснения? Каким образом ввести или дозволить свободу тиснения без просвещения? Каким образом установить истинную министерскую ответственность там, где отвечать некому и где ответствующий и вопрошающий составляют одно лицо, одну сторону? Каким образом без ответственности могут быть охраняемы законы в исполнении? Каким образом может быть обеспечено самое исполнение без просвещения и обилия в исполнителях...” [цит. по: Корнилов 2004: 147-148].

В попытке дать ответ на эти культурно-политические вопросы русской истории Сперанский переструктурирует в едином замысле реформ гражданско-правовой универсум общества, подтверждением чему является тематический перечень его трудов. В этот новый социально-политический и правовой тезаурус входят основополагающие тексты — проекты, концепции, уставы, законы — с репрезентативными названиями. Среди них: “Реформа чиновничества” (август 1809 г.); “Работа над планом государственных преобразований” (1807-1812 гг.); “Проект уголовного уложения Российской империи 1813 года” (1808-1812 гг.); “Указ о придворных званиях” (апрель 1809 г.); “Учреждения для управления сибирских губерний” (1822 г.); “Свод законов Российской империи” (1832 г.); “Указ о вольных хлебопашцах” (20 февраля 1803 г.); “Введение к уложению государственных законов” (1808-1809). Этот список может быть продолжен такими текстами, как “О коренных законах государства”; “О постепенности усовершенствования общественного”; “О силе общественного мнения”; “Записка об устройстве судебных и правительственных учреждений в России”; “Устав духовных училищ”; “Об усовершенствовании общего народного воспитания”; “О создании Государственного совета”.

Отставка Сперанского, все, что ей сопутствовало в придворных кругах, сворачивание реформаторского курса, отступление власти на позиции неограниченного самодержавия, удерживаемого полицейско-чиновничьим режимом, — стало прямым свидетельством реверсивного исторического движения. Архаизация социального порядка и историческая несостоятельность этого пути со всей очевидностью раскрылись в Крымской кампании, что явилось побудительным мотивом к реформаторской деятельности Александра II. Контрреформы Александра III, которые стали идеологической основой царствования и его сына, Николая II, еще раз, с катастрофической силой высветили застарелую болезнь социально-политической системы России.

Сегодня вполне определенно можно сделать вывод, что русская революция в большевистском варианте стала ответом именно на данную версию политической истории. Отрицательные результаты настойчиво требуют объяснения исторических “неудач” России, которая раскалывается между ради-

кализмом и охранительством и как будто не может удержать достигнутых результатов культурного развития. Именно этот невыученный урок истории в отказе власти от движения в сторону конституционного переустройства русской государственности и формирования новой системы отношения власти и общества в рамках гражданских институтов Россия вынуждена была проходить в трагедиях XX в. и вновь изучать его в веке XXI. Именно этот сюжет проявил себя и в личной драме Сперанского-реформатора.

При взгляде на отечественную историю кажется, что Россия с трагической периодичностью выпадает из общеевропейского и мирового контекста цивилизационного развития, словно будучи неспособной встать на путь эволюции своей политической системы и культурных институтов. Напрашивается пессимистический вывод, что русское общество органически не способно к либерально-прогрессистскому типу развития. Этот тезис — главный аргумент тех, кто считает “русский код”, а следовательно, и русскую культуру ментально привязанной к традиционалистскому государству. Другое, не менее клишированное мнение, распространенное среди политических культурологов, продолжает связывать либерализм, в том числе и современный, с протестантским типом культуры, категорически отказывая в либеральном потенциале восточно-христианской традиции и тем странам, которые строили свою государственность на ее культурной основе.

Правильнее, на наш взгляд, было бы рассуждать в другом ключе. Нужно исходить из той фундаментальной посылки, что в центре христианской культуры лежит *метафизика свободы*. Общим для христианской цивилизации является концепт свободы, понимаемой в Новом Завете как свобода в Боге. Свобода неотчуждаема от личности в ее христианском понимании, и в этом смысле онтология свободы как фундамент политического либерализма составляет стержень и восточной, и западной духовной традиции.

В истории России политическая проекция христианской онтологии свободы нашла свое воплощение в интеллектуальной и политической биографии ряда выдающихся представителей русской мысли, в попытке синтезировать ценности национальной культуры и социальный порядок общества модерна с его конституционным принципом ограничения власти на основе развития гражданских институтов. Так, деятельность либерального славянофила Ивана Аксакова, а в эпоху парламентаризма правого центриста Михаила Стаховича, правого кадета Василия Ключевского, конституционалиста Василия Караулова, автора либерально-консервативного проекта Великой России Петра Струве была нацелена на формирование единства культурно-политической нации, помнящей свою историю и не исключающей религиозный опыт из частной и публичной сферы национального бытия [см. Кара-Мурза, Жукова 2011]. К зачинателям этого пути стоит, на наш взгляд, отнести и Михаила Сперанского.

Но как бы ни был значителен вклад русского образованного класса в развитие социальной системы России, отечественная история дает повод говорить о неоднократных разрывах в культурной преемственности и деградации общества, уже достигшего определенного уровня цивилизационного универсализма. Природа этих “эволюционных срывов” во многом обусловлена отсутствием согласования двух типов ценностей — метафизических и инструментальных. Сюжет, ставший для российской истории традиционным, ког-

да богатство и глубина духовно-культурного опыта входили в противоречие с процессами социально-политического и экономического развития страны.

Все российские модернизации, происходившие на политической или даже религиозной почве, как церковная реформа Никона, вели к расколу в обществе. Общество радикально меняло свою структуру, привычные уклады ломались, перераспределение ресурсов сопровождалось человеческими трагедиями. Сталинская, впрочем, как и петровская модернизация, напоминает отчаянный рывок в современность в гонке на геополитическое выживание. Жесткий мобилизационный и ресурсозатратный прорыв в будущее — неизбежное следствие и плата за социально-экономическое отставание. Догонять всегда приходится в многократно усложняющемся геополитическом контексте, преодолевая противоречия, прежде всего, внутреннего развития. Все это наталкивает на следующую мысль, что причиной цивилизационных срывов в культурно-политическом и социально-экономическом развитии Руси, затем России, является отсутствие, говоря философским языком, структуры опосредствования, которая переводит и согласует два типа ценностей (идеально-духовные и рационально-прагматические) в реальном жизненном опыте человека и общества.

Мы можем видеть, что сегодня, несмотря на определенные изменения в выборе ценностей, связанных с либеральной моделью развития общества, процесс государственно-политического строительства в России демонстрирует узнаваемые консервативные черты. Однако рассматривать консерватизм и либерализм в России в однозначности отрицательных оценок с обеих сторон — большое упрощение исторической ситуации. Подобные политизированные и с одного, и с другого “лагеря” идеологические формулы явно мешают строгому анализу и рациональной философской критике социальной истории России и того опыта реформирования социального порядка, который был предложен М.М.Сперанским. В то же время дефицит профессионально честных и трезвых научных работ сегодня ощущается особенно остро в условиях запущенного процесса модернизации-вестернизации.

Актуальность этой темы подчеркивается еще и тем, что проблема перспектив политического устройства страны осложняется проблемой национально-культурной идентичности государств в условиях нарастающего технологического универсализма современной цивилизации, активного смешения и нивелирования культурных практик. Признавая европейские корни российской цивилизации, обусловленные христианской традицией, необходимо выделять ряд специфических особенностей, существенным образом повлиявших на становление ее культурной и политической идентичности. При обращении к данной теме сразу становится очевидной *слабость научной позиции исторической и философской критики* тысячелетнего опыта Руси/России. В этой интеллектуальной исторической драме, как и прежде, сталкиваются три *ментальных образа*, определяющих ее сюжет и силовые линии напряжения — это образы прошлого, настоящего и будущего.

Концептуальную разработку форм философствования как процедуры критического переосмысления исторического опыта России представляют собой труды А.С.Ахиезера. Вслед за многими исследователями, в числе которых и Д.С.Лихачев, Ахиезер указывает на наличие особого “инвариан-

та” цивилизационно-исторического развития России, обусловленного особенностью формировавшей ее культурной традиции. При возникновении сложных проблем для нее характерна инверсионная логика принятия решений “в рамках исторически сложившихся ритмов” [Ахиезер 2006: 382]. Подобный тип общественного сознания ведет, как правило, к расколу, а сама тысячелетняя история Руси/России предстает как ряд накрывающих друг друга мифологических волн, когда удержание целостности государства, культуры и общества в период драматического столкновения старого и нового, запускающего процесс распада общественных структур, совершается посредством социально-культурного мифа.

Одним из таких устойчивых мифов является *идея власти*, освященной авторитетом предания. При этом в идее власти и связанной с ней концепции традиционного государства просматривается и архаичная культура Рода, и образ древневосточного царства. На наш взгляд, в ментальной истории русской культуры присутствуют и входят в сложное взаимодействие обе эти архаизирующие тенденции, которые продолжают проявлять себя не только в рамках древнерусской истории, но и имперского, а также большевистско-советского периода. *В этой логике любые варианты модернизации с некоторыми чертами демократизации и либерализации возвращаются (или превращаются) к консервативно-охранительной модели общественного устройства.* Подобный взгляд на историю Руси/России позволяет объяснить и неудачу реформаторских усилий Сперанского, которая при всей открытости и непредрежденности путей развития была *предзадана этой логикой.*

Традиционалистско-консервативная инверсия российской истории становится своего рода историческим вызовом для русской культуры и сформировавшейся на ее основе геополитической российской общности. С этой точки зрения представляется важным выявить соотношение понятий “традиция” и “традиционализм”, понимая их содержание *как основу российского консерватизма*, противостоящего всяким попыткам либерального развития общества. Необходимо определить, в какой мере они воспроизводят архаические ментальные структуры власти и общества и способствуют мифологической инверсии культурно-политической истории России. В любом случае речь идет о недопустимости наступления “нового средневековья” с его архаизирующей традиционалистской структурой социальных связей и экономических отношений, четко просматривающихся как в российском абсолютизме, так и в большевистском тоталитаризме. В этом контексте серьезной опасностью является *подмена* духовной традиции восточно-христианской культуры государственно-политическим традиционализмом, при котором бюрократическая система легализуется на уровне закона, получая санкцию “свыше”.

Каким образом в рамках самой истории Руси/России сложилась возможность такого смыслового соотношения и взаимодействия власти и религиозной традиции — самостоятельная тема исследований, не входящая в задачу данной статьи. Укажем лишь на тот важный факт, что образ священного царства не являлся изначально политическим идеалом Древней Руси. В древнерусской традиции значимым был *идеал благой власти*, наиболее отчетливо сформулированный в “Слове о Законе и Благодати” митрополита Илариона, в “Поучении” Владимира Мономаха, в житийной литературе, где ее “леги-

тимность” устанавливалась моральными критериями, при которых возникала взаимная ответственность человека за себя перед другими и за других перед Богом и собой. Политический идеал царства становится порождающей моделью культурных и социальных отношений гораздо позднее, в эпоху Московского царства, что представляет собой чрезвычайно симптоматичный процесс отрыва от полноты исторического предания и архаизации социального порядка. Ветхозаветный образ царства оказывается не прообразовательным для новозаветной истории, а буквально воплотившимся в ней. Государство мыслится церковью, царь — теократическим владыкой, самодержцем, народ — народом Божиим, а сама история локализуется национально-государственными границами как оградой для спасающихся. Эсхатологическая проекция христианской метафизики в социально-политическом пространстве отторгала от себя “инструментарий” европейской политической культуры с ее идеями правового государства и свободы личности.

В этом можно видеть одну из коренных проблем русской культуры и российской цивилизации, которая заключается в том, что среднее звено, опосредствующее, с одной стороны, высокие идеалы, а с другой — инструментальные практики, так и не было достроено. Принято говорить, что в России есть высокая культура, но нет цивилизации. Рассуждая об этой чисто русской специфике в “Мыслях о России”, Ф.А.Степун отмечал, что на трудную работу согласования ценностно-смысловых категорий *права и правды* времени и умений в русской истории не хватало [Степун 2009: 414.] Исходя из историко-философской логики Степуна, можно увидеть, что в нашей истории не один раз был проигран “простой” сценарий: когда русское общество вступало в новый период освоения универсальных достижений европейской цивилизации, происходил катастрофический разрыв с прошлым.

Выявленная русскими мыслителями проблема согласования двух типов ценностей — метафизических и инструментальных — сегодня, как представляется, может стать базисом социально-политической и культурно-философской рефлексии российского общества, которое вновь вынуждено согласовывать инновацию и инструментальное мышление с метафизической традицией российской политической культуры, с ее архетипом власти. С учетом национальной специфики либерально-политическая модель становится уместной в случае сохранения христианской основы российского культурно-цивилизационного типа на уровне базовых метафизических ценностей, интеллектуально-философских практик и правовой рационализации социальной жизни.

На наш взгляд, реформаторские начинания М.М.Сперанского явились в истории России ценным теоретическим и практическим опытом продвижения в ткань русского государственного и, шире, национально-культурного организма принципов развития, преодолевающих политический традиционализм, подкрепленный мессианскими идеями сакральной власти. Сегодня, силою самих обстоятельств, в условиях нового глобального проекта современности, на обломках Советской империи, Россия вынуждена преодолевать собственный дуализм западничества и почвенничества, традиционализма и модернизма, консерватизма и либерализма и, тем самым, брать на себя ответственность за исторический выбор, который требует трезвости в понимании и оценке происходящего. В противном слу-

чае избежать очередной катастрофы — сворачивания “русского проекта” в истории — не удастся. Путь Сперанского, оставшегося в рамках существующей системы общественных отношений, но формулировавшего задачи, решение которых открывалось только *в изменении политических и ментальных стереотипов культурной традиции, т.е. в известной степени в либеральной перспективе*, кажется особенно интересным.

В контексте обсуждения поставленной проблемы субкультуры российской власти возникает образ власти как *медиатора, выстраивающего пространство срединной культуры права, законности, свободы лица и совести*, способного преодолевать инверсионные исторические ритмы российской социально-политической истории. Но как это бывало и прежде, восстановителем общественного порядка и государственных функций управления сегодня оказывается российский политический консерватизм, слегка подреставрированный задачами модернизации. Его считают спасением от национальной катастрофы — распада государства, проходившего под лозунгами политического и экономического либерализма. Является ли он представителем классического европейского консерватизма или новой репликой бюрократического российского традиционализма — ответ на этот вопрос уже вполне очевиден.

Ясно одно: деградация форм общественно-политической, хозяйственно-экономической, духовно-культурной жизни является опасной провокацией по отношению ко всей исторической традиции Руси/России, которая должна быть адекватно понята и оценена. В этой интеллектуальной работе переосмысление политической биографии выдающегося реформатора и социального мыслителя М.М.Сперанского может послужить методологическим основанием пересмотра *российского консерватизма как политического охранительства по преимуществу, а либерализма — как чуть ли не ниспровергателя духовно-культурной традиции, — в направлении общеевропейской классической политической парадигмы, избегающей как косности, так и радикализма.*

Ахиезер А.С. 2006. *Труды*. М.: Новый хронограф.

Кара-Мурза А.А., Жукова О.А. 2011. *Христианский либерализм в российской политической культуре*. М.: ИФ РАН.

Ключевский В.О. 2009. *Курс русской истории. Полное издание в одном томе*. М.: Альфа-Книга.

Корнилов А.А. 2004. *Курс истории России XIX века*. М.: Астрель.

Сперанский М.М. 1905. Записка об устройстве судебных и правительственных учреждений в России (1803). М.: “Русская мысль”.

Степун Ф.А. 2009. *Жизнь и творчество. Избранные сочинения*. М.: Астрель.

